

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ
ГВИБЕРТА ПОЖАПСКОГО:
ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ
ТОГО ВРЕМЕНИ
И МОНАСТЫРЬ. 1053–1104 гг.
(около 1124 г.)

Книга первая

В первых трех главах автор, оставивший нам описание собственной жизни, которое охватывает вторую половину XI в. и начало XII в., по обычаю того времени начинает обращением к Богу, говорит об отношениях Божества к человеку, кается в своих прегрешениях и исчисляет все благодеяния Господа, которыми он был осыпан и в числе которых на первом месте стоит то обстоятельство, что у него была благочестивая мать, не увлекавшаяся при своей красоте обольщениями мира, и в заключение рассказывает ее тяжелые роды, что побудило отца дать обет Богу посвятить новорожденного а это и был наш автор, — монастырской жизни.

IV. Родившись таким образом, как то рассказано мной, едва я начал понимать удовольствие, доставляемое детскими игрушками, как ты, о Боже милосердный, долженствующий заменить мне место отца, сделал меня сиротой. Только что прошел восьмой месяц от моего рождения, как мой отец по плоти скончался; и при этом я должен, Господи, благодарить тебя, что ты допустил его умереть с христианскими чувствами, ибо он, если бы остался в живых, непременно воспротивился бы видам твоего помысла на меня. И так как развитие моего роста и естественная живость младенца казались ему предназначенными более для светской жизни, то никто не сомневался в том, что лишь только наступит время для меня заниматься науками, отец уничтожит данный им обет. Но ты, премудрый устроитель всего, ты спасительно распорядился обоими нами, и я не лишен познания твоих заповедей, и отец не нарушил данного тебе обещания.

Между тем та, которую ты оставил вдовой, воспитывала меня с самыми нежными заботами. Паконец она избрала день св. Григория, чтобы отдать меня в обучение. Она слышала, Господи, что есть один святой муж,

твой служитель, который превзошел свой век, изумительной мудростью и беспредельными познаниями: вследствие того при помощи щедрой благодетельницы она не раз умоляла своего духовного отца, чтобы он, одаренный тобой всякими познаниями, вдохновил и мое сердце жаждой наук. С того времени я начал обучаться грамоте; едва я успел усвоить себе первые начала, как моя мать, в своей жажде образованья меня, решила поручить то учителю грамматики.

Незаметно перед этим, да даже еще и теперь, учителя грамматики были так редки, что почти ни одного пельзя было найти в селах, и в городах с трудом отыскивались немногие, притом и эти были столь слабы в науке, что их невозможно и сравнивать с теми грамотеями (clericis), которые ныне странствуют по селам. Мой же учитель, которому мать поручила меня, сам учился грамматике в позднем возрасте и был тем менее знаком с этой наукой, что обучался ей слишком поздно; но он был столь скромным, что эта добродетель вознаграждала ему слабые познания. Через посредство некоторых из клериков, которые под именем канцеляров отправляли у моей матери Божественную службу, она просила его принять на себя занятия со мной: он же в то время занимался с одним из моих двоюродных братьев; жил в замке вместе с ним у его родственников и был им весьма необходим; хотя он и был тронут просьбами моей матери и расположился к ней за ее добродетели и чистоту нравов, но он не решался удалиться от моих родственников в опасении их оскорбить и пересказать к моей матери. Одно видение, о котором я расскажу, положило предел его колебаниям.

Ночью, когда он лежал в своей комнате я помню очень хорошо, эта была та самая комната, в которой все учившиеся у него собирались в замке, — тень какого-то старца с седой головой и наружностью, внушающей уважение, остановилась на пороге, держа меня за руку и, по-видимому, имея намерение ввести в комнату. Действительно, этот старец, остановившись при входе и указывая мне на маленькую кровать, на которой тот держал свои вещи, сказал мне: «Подойди к этому человеку, ибо он должен